

СУДЬБА ИЗБРАЛА ВАС...

Торжественное обращение к Юнне МОРИЦ

СДНЁМ РОЖДЕНИЯ, поэтка (как сама вы называете себя) Юнна Мориц! Мы ничего не скажем о юбилеях. Мы не станем водружать на изукрашенный пьедестал бронзовую статую. Торжественные фанфары не будут резать слух. Мы скажем тихо: "Спасибо..." Мы скажем нежно: "Дорогая и всенародно любимая..."

Мы просто поблагодарим небо за то, что в июне, во второй день лета вы появились на свет в Киеве, в советском краю, на нашей общей Родине. Вы пришли к нам и живёте рядом, звеня стихами, как струной.

Вы пришли в реальность вовсе не как солнечный зайчик, не как пушинка на ладо-ни, нет, это не о вас и не о нашем таком особенном таланте. Чтобы описать ваше воздействие на литературный мир скорее подойдут эпитеты В. Маяковского, приме-нённые им к себе "...весомо, грубо, зри-мо". Мы скажем скорее — "образно", но не "эфемерно", "прекрасно", но не "сла-щаво". Да откуда им взяться, поэтически-му туману и пасторальности? Ведь сама судьба закаляла и ограняла ваш дар. Вот тут как ни подивиться странной русской поговорке: "Кого люблю, того и быю". Это наблюдение верно в отношении вас.

Судьба избрала вас своей любовью. Но и была.

Сначала беда с отцом, "обострившая внутреннее зрение" необычной девоч-ки, затем — Великая Отечественная война... эвакуация, голод и лишения, болезнь. Но те испытания, что ломают слабого, придают стойкости сильному духом. Они, дети Победы, вместили в себя и сохранили навек тот пронзитель-но-ликующий День в мае 1945 года.

"Погода Победы, через месяц — мне восемь лет, В небесных садах пламенеют цветы небосвода — Салюта огромные астры, небесный портрет Победы!.. Земной и небесной Победы погода!

На площади — танцы и слёзы, всю ночь — до утра, Инеалиды на костылях — с баянами, аккордеонами, Это — музыка песен Победы, которая — из нутра, Где счастье и боль облекаются — слезами горько-солёными, Голосовые связки Победы, оплаченной миллионами Жизней Полка Бессмертново!.. У бессмертия нет "вчера", Все для Господа живы, — мне говорит сестра". (9 мая 2022 г.)

Тогда вера в обязательную победу над фашизмом, убеждённость в том, что зло можно и должно не только пре-возмочь, но и победить, стала просто ос-новной чертой характера. Вечно юного и стального вашего характера.

Но судьба умеет и дарить подарки. Причём именно те, которые необходимы лично каждому из нас. Имя определяет личную позицию — вам судьба пре-поднесла юность.

И ещё для вас она припала учителя и поэтический камертон. Тот, который на-страивает и не даёт сбиться с пути. Среди сонма знаковых имён рыцарей слова и мысли вы особо выделили для нас Николая Заболоцкого. Обладаяющий мощным даром и понимающий "в поле каждую бы-линку и в небе каждую звезду", Николай Заболоцкий обладал сильным воздей-ствием на человека, умеющего увидеть и услышать "звукомыслы". Заболоцкий наблюдал земную природу глазами Ти-мирязева, впитывал кожей космизм идей Циолковского, поражался символике и

словотворчеству Велимира Хлебникова. Из хаоса он создал поэтический космос, лишённый штампов, красивостей и рас-плывчатости. А вы смогли встроить в себя эти новые вселенные, при этом создавая собственный неповторимый мир. Сколько на свете лун, умеющих сиять лишь отра-жённым светом... Но вы оказались силь-ным источником светлой поэзии. Вы при-няли эту эстафету, вы несёте её с честью.

"Рано умер Заболоцкий, Дара Божьего поэт, Недолюбленный при жизни, где читателей навалом, Но тогда по стадионам шли со званием небывалым Те концертные поэты, чьи ряды настолько спеты, Что поэту не оттуда в этом звоне места нет!..

Заболоцкий не оттуда, он — другая амплитуда, Он — оттуда, где любил, как не может стадион, Заболоцкий знал об этом, но таким он был поэтом, Что всё время был он болен — тем, что был он недоволен Сам собой со всех сторон!

Суховатый, нет задора и немодная рифмовка, Говорили те, кто ловко воровал его "Столбцы", Но собой довольны были — и воршика, и воровка, Был никто из них не болен — тем, что очень недоволен, Интонацию воруя, звукомыслов образцы.

Заболоцкий мимоходом вкус привил мне к переводам, Показал мне, как сбывают переводческую пыль С языка стихотворений, — не любил он одобренных, От которых речь поэта обретает запах, стиль Переводческого мыла!.. Двадцать лет тогда мне было.

Он ушёл так рано в вечность... В глубине его зеркал — Мироздания пространство — я читала в двадцать лет. Божий дар его посмертно не померк, а засверкал, Он — как небо, вечно рядом, Заболоцкий с детским взглядом, Недолюбленный, любимый, глубины высокий свет!

Сердце русского Орфея разорвали два инфаркта, Был он ссыльным арестантом временами, — здесь не рай!.. Русский гений — он вне моды, шла ему друзая карта, Карта звёздная природы, шла ему из той колоды, Из глубин, где свет высокий — Заболоцкий Николай". (7 мая 2022 г.)

А как пронзительны юность, восторг и упоение, звучащие в ваших строках!

"Когда мы были молодые И чушь прекрасную несли, Фонтаны были голубые, И розы красивые росли"

...Не случайна всеобщая известность этих строк... Как вы сами теперь гово-рите с улыбкой — "И двадцать семь мне было лет". Но в этих словах навсегда за-печатан аромат цветущей молодости, ко-

торая каждому в это время шепестит сво-ими "цветами и листьями". И вам теперь вечно будет двадцать семь, всегда толь-ко двадцать семь в тот миг, когда новый читатель раскроет сборник ваших стихов. Таков уж удел поэта. Озарять эмоциями необыкновенной силы души читателей.

"Ты — девочка Господа Бога, ты — Господа Бога дитя, ты — песня, дорога и ветер, и счастлива, только летя — как ветер, дорога и песня, как песня и ветер дорог, как песня дороги и ветра, который в дорогах продорог.

И дорого счастье полёта, и незначим ветру-судьбе доказывать с помощью фото, что крылья твои при тебе, и солнца на них позолота, и ночи серебряный свет... и песни пронзительной нота — твой самый прекрасный портрет". (Из книги "Таким образом")

Но одних эмоций мало. Есть ещё и волшебство слова, волшебство кисти. Волшеб-ство того, что вы называете "звукомысла-ми". Вы рассказываете нам о том, что видно вашим глазам и сердцу — сердцу истинного патриота России и настоящего человека.

Теперь вы стали нашим камертоном. По вашим строкам и мыслям настраиваем мы своё мироощущение. Камертон — это ваш мгновенный поэтический и граждан-ский отклик на события, происходящие на нашем маленьком земном шарике, на тёплой голубой бусине, навещающей смо-трящих на неё с высоты орбиты светлые мысли об Эдеме. Ваши "Мгновенники"...

И вот опять наш корабль Земля на-правлен в "прямую гушу бурь и выюг" "за новой жизнью, новой славой", в битву против адептов окончательного кровавого порабощения всех континентов под пятой нового сатанизма западного фашизма. Ежедневно нам звучат ваши строки:

Оскорбят Россию, россиян Невозможно!.. Есть такая область, Где священным светом осиян Веры храм, не пропуская полбость Оскорблений, чёрной клеветы, Чертовы кровавого навета — Веры храм хранит от черноты Оскорблений!.. Храм священный света.

Истребляет оскорблений тьму: Верим свято в то, что никому Оскорбят Россию, россиян Невозможно!.. Светом осиян Этой веры храм, а нам эрозия Оскорблений всяческих потоком, Зря скорбят, что оскорбить нельзя Нас ничем, козда в таком высоком Храме света верим неспроста, Что защита нам дана святая: Оскорблений нечисть прилетая, Корчится, как черти — от креста!" (7 мая 2022 г.)

Ведь мир людей раздвоен, и каждый из нас сегодня является одной из сторон схватки. Схватки не за смерть, за Жизнь! Но если схватка неизбежна — бей пер-выми. И нет места двоядушию и лукаво-сти. Гвозди по самую шляпку! И не верь сёющим сомнения. Какие сомнения в любви к Родине? Ведь всё, что вы пише-те — это только о любви!

"Я — странный человек, люблю свою страну, Особенно люблю в трагическое время, Когда со всех сторон хулят её одну И травят клеветой..."

Природное чутьё сквозит в каждой строфе, гнев и возмущение наполняют жилы стихов, взмывает ваша страст-ная молитва — Россия!

Вы говорите: "...живу очень уединён-но, чтобы моё природное чутьё не ис-портилось, принохавшись к "мнениям общественности". Да, я работаю ночью, как поэтический телескоп". А утром ваши подписчики и просто любители поэзии и правды читают то, что не оставляет равнодушным никого. Читают и пора-жаются, какая сила, какая энергия в строках! Вам дан дар художественности. Художник словом и кистью. Вы шутите: "Иногда — окурком..." Но и тут в широ-ких мазках лаконичная и ясная мысль — человек должен любить и дарить добро, а иначе он скатывается вниз по эволю-ционной лестнице, ломая себе шею...

Ваши читатели! Сколь много их, пре-данных вам и вашему творчеству! Спа-сибо вам за это ожерелье из перлов. Лучше не снижет его никто.

ПРИВОЖУ вашу биографию, напи-санную вами для нас.

"Биография "И в чёрных списках было мне светло..." (очень краткая био-графия — по многочисленным прось-бам). Голыми цифрами дат, как правило, заколочены главные обстоятельства.

Родилась 2 июня 1937 года в Киеве. У отца было двойное высшее образо-вание: инженерное и юридическое, он работал инженером на транспортных ветках. Мать закончила гимназию до революции, давала уроки французского, математики, работала на художествен-ных промыслах, медсестрой в госпитале и кем придётся, даже дровосеком.

В 1955-м поступила на дневное отде-ление поэзии Литературного института в Москве и закончила его в 1961 году. Летом-осенью 1956 года на ледоколе "Седов" я плавала по Арктике и была на множестве зимовок, в том числе и на Мысе Желания, что на Новой Земле, в районе которой испытывали "не мирный атом". Люди Арктики, зимовщики, лёт-чики, моряки, их образ жизни, труд (в том числе и научный), законы арктиче-ского сообщества повлияли так сильно на мою 19-летнюю личность, что меня очень быстро исключили из Литинститу-та за "нарастание нездоровых настрое-ний в творчестве" и напечатали огром-ную разгромную статью в "Известиях" за подписью В. Журавлёва, который позже прославился тем, что в тех же "Извести-ях" напечатал стихи Анны Ахматовой, подписав их своим именем и внеся в них мелкую правку.

В 1961 году вышла моя первая книга в Москве "Мыс Желания" (никаких роман-тических "желаний"!.. чисто географиче-ское название мыса на Новой Земле), — книгу пробил в печать Николай Тихонов, когда в очередной раз меня обвинили в том, что я — не наш, не советский поэт, чей талант особенно вреден, поскольку сильно и ярко воздействует на читателя в духе запада.

Моя вторая книга "Лоза" вышла в Мо-скве через 9 лет, в 1970 году, поскольку я попала в "чёрные списки" за стихи "Па-мяти Тициана Табидзе", написанные в 1962-м. Убеждена, что все "чёрные спис-ки" по ведомству литературы, всегда и сейчас, сочиняются одними писателями против других, потому что репрессии — очень доходное дело.

Благодаря тому, что мои стихи для детей никому ещё не были известны и поэтому не попали под запрет, я смогла напечатать в 1963 году куст стихотворе-ний для детей в журнале "Юность", где по этому случаю возникла рубрика "Для младших братьев и сестёр". Читатель мгновенно мне заплатил любовью.

Юнна Петровна Мориц. Автопортрет.

Занимаясь поэтикой личности, языком изобразительного искусства и филосо-фией поэтического мира, я получила тогда огромное наслаждение от того, что "чёр-ные списки" так светло рассилились и толь-ко расширили круг любимых читателей.

С 1970 по 1990 год я издала книги ли-рики: "Лоза", "Суровой нитью", "При све-те жизни", "Третий глаз", "Избранное", "Синий огонь", "На этом берегу высо-ком", "В логвое голоса". После этого 10 лет не издавалась.

"Тицо"(2000), "Таким образом"(2000, 2001), "По закону — привет почтальо-ну"(2005, 2006) вышли с включением в содержание страниц моей графики и жи-вописи, которые не являются иллюстра-циями, это — такие стихи, на таком языке.

Долгие годы меня не выпускали за ру-беж, несмотря на сотни приглашений от международных фестивалей поэзии, фо-румов, университетов и СМИ, — боюсь, что я сбегу и тем испорчу международные отношения. Но всё же года с 85-го у меня были авторские вечера на всех знамени-тых международных фестивалях поэзии в Лондоне, в Кембридже, Роттердаме, То-ронто, Филадельфии. Стихи переведены на все главные европейские языки, также на японский, турецкий, китайский.

Теперь те, кто боялся, что я сбегу, боятся, что я не сбегу, а напишу ещё не одну "Звезду Сербости". И пусть боятсь...

В "Известиях", а следом и в других пе-риодах, проскочила неряшливая замет-ка, где меня обозвали лауреатом Готре-мии и за эту ошибку не извинились перед читателями. Премии мои таковы: "Золо-тая роза" (Италия), "Триумф" (Россия), премия имени А.Д. Сахарова (Россия).

Мои дальние предки пришли в Россию из Испании, по дороге они жили в Германии.

Я верую в Творца Вселенных, в безна-чальность и бесконечность, в бессмер-тые души. Никогда не была атеистом и никогда не была членом какой-либо из религиозных общин.

Множество сайтов, публикующих спи-ски масонов России, оказали мне честь быть в этих списках. Но я — не масон.

И в чёрных списках было мне светло, И в одиночестве мне было многодетно, В квадрат чёрном Ангела крыло Мне выбыло воздух разноцветно.

Глубокие старухи, старики Мне виделись не возрастом отератым, А той глубиностью, чьи губы глубоки — Как знание тайное, аде свет подобен пятнам.

Из пятен света попадая в пятна тьмы, Я покрывалась воздуха глазами, Читая незабвенные псалмы По книге звёздной, чьи глаза над нами.

Волнами сквозь меня, светясь, текло Пространство ритмов, что гораздо глубже оков. И в чёрных списках было мне светло, И многолюдно в одиночестве глубоком. 10 марта 2006 г.

Ирина ПИЧУГИНА

ЗЕМЛЯ ОТВЕРЖЕННЫХ

О военно-ведической поэзии Анны ДОЛГАРЁВОЙ

Петербург, потом её любимый человек из "матери городов рус-ских" отправились защищать Донбасс и там погиб — вместо свадьбы случились похороны, и она решила остаться там, где лилась кровь и рвались снаряды — "доделывать его дело". На-верное, и жёны декабристов, и героини Великой Отечественной узнали бы в ней родную душу. Но эта душа ещё и писала стихи. На русском языке. По-русски.

До того — одни, а после того — уже совсем иные. Благодаря им факты личной биографии Анны Долгарёвой стали явлением нашей общей истории и культуры, точно так же, как многие культур-ные и исторические события — фактами её личной биографии. Во многом помогла работа военным корреспондентом — занятие, ко-торым Анна продолжает заниматься и сегодня. За которое попала в списки "врагов Украины" на известном необандеровском сайте "Ми-ротворец" под эгидой МВД и СБУ со следующей характеристикой: "Принимала участие в боевых столкновениях. Занимается сепара-тистской деятельностью. Коммунистка, пишет стихи. Принимает и осуществляет заказные "вбросы" антиукраинского содержания на пророссийских ресурсах в интернете". Читая подобное, понима-ешь, что та "Украина", которую пытаются создать необандеровцы- "миротворцы" должна быть адом, в котором им, словно бесам, должно мучить и убивать грешников-"москалей", а также прочих "антиукраинцев" и даже "неукраинцев". Поэтому правильно пишет Анна: "Наша земля не должна быть оксвернена фашизмом и теми, кто его в упор не видит. А какая жизнь здесь и сейчас — так это война..." Для России — специальная военная операция, которая началась 24 февраля 2022 года, а для Донбасса — война, которая длится почти восемь лет...

Расхожее утверждение гласит, что каждый поэт — явление уникальное, неповторимое. И это действительно так. Но в случае с Донбассом — словно для того, чтобы подчеркнуть особую важ-ность происходящего, — наблюдается нечто вообще невероятное. Известный русский поэт Юрий Юрченко, который из уже обитого им Парижа отправился добровольно-ополченцем в Донбасс весной всё того же 2014 года, свидетельствовал: "Я хотел сначала взять поэзию "Поэт", но мне сказали: "У нас уже есть три поэта, четвёртого мы не потянем..."

ЭТОТ ФЕНОМЕН ещё не понят, не осмыслен, даже не пред-ставлен во всей своей полноте, но он, несомненно, суще-ствует. И его существование лишний раз подтверждается тем, что сегодня с духом, землёй и кровью народных республик связаны равные по глубине и мощи поэтические голоса двух Анн: Долгарёвой и Ревякиной, — которые ничуть не сливаются и не дис-сонируют между собой, даже не дополняют друг друга, но растут, словно два дерева от единого корня, корня Русского мира в Дон-бассе. Возможно, когда-нибудь эта синергия, если не симбиотика, станет предметом отдельного изучения — пока её стоит просто за-фиксировать как факт.

И — удивительное дело! — даже в "довоенных" стихах своих Анна, словно в вещих снах, предчувствовала будущее. Вот финал стихотворения "Анна и волк", 2012-го мирного ещё (вроде бы) года.

"Однажды волк уйдёт восвояси, ей придётся идти за ним — в темноту, без связи, тридевять земель, семь железных сапог, девять сотен дорог. То дожди, то палищие отчаянные лучи, вы-бирала законы сказки — так получи.

Но — потом, а сейчас она счастлива, говорит, это будет ещё долго по календарю, и вообще — сырою землёю, водой текучей, и дождём, и ветром, и тучей заклиная, и будет слово моё тяжелей свинца, пусть свирель моя не отступится — до конца, пусть она пройдёт той дорогой, что он прошёл,

и вообще, пускай же будет всё хорошо".

Разве не так всё после и получилось? Лучше бы этого было не предчувствовать? Наверное, но можно ли? Большинство стихов Анны Долгарёвой — вне рамок классической силлабо-тоники, они похожи на разговоры деревенской ведуньи, дошедшие к ней через десятки, если не сотни поколений. Даже когда они оказываются переполнены приметами современности (хотя какой АГС ниже упо-мянут, не уточняется, но явно не АГС-40, а что-то более раннее, АГС-30 или даже АГС-17).

"В гильзу от АГС помещается 20 грамм в данном случае — виски. Мы пьём без звона, ветер с востока хлопает дверью балкона. Пьём за тех, кто более не придёт к нам. Пьём за любовь, за свою мирную жизнь, за наше большое будущее, поскольку все мы отпослительно молоды: неизбеждительным "держись" пытаемся поддержать друг друга на время. Сентябрь нылся, с востока идёт роза, молнат миномёты, автоматы припили даже. Один котирот, смотря на меня, сказал, что мечтает увидеть женщину не в камуфляже. Здесь земля отверженных, нам уже от неё не деться, ветер степной пахнет смертью, татпой и медом. Мы пьём за любовь, за правду, за счастливое детство, пьём, не чокаясь, из гильз от гранатомёта".

Эти стихи-заговоры, наряду сходящим глубже корней сло-вотворчеством: "Тебя нет никогда...", — важный пласт творчества Анны Долгарёвой, и такие персонажи народных сказок, как Баба-Яга, отнюдь не выступают антагонистами героев её поэзии.

"Иван-дурак приходит к Бабе-Яге, идёт по муху серебристому, по камням. Она его ждёт, заклиная щип в очаге, с одежды капли падают на пол, звеня. Он говорит: верни мне сердце. Оно иссохло, стало как мёртвый изгнивший плод. Она ведь пело, стыло, цело весной, а нынче только молча о ребра бьёт.

Они встают, и жалобно закрывав, к двери бросается с ними про-щаться кот. Они идут в молчании среди трав, идут путём цветущих чёрных болот. Идут по полянам, где по колено нога в зелёный, пу-шистый проваливается мох. Не передумал, спрашивает Яга. Он говорит: передумал бы, если б мог.

Верни мне сердце, неведомая моя, верни мне сердце, бессмен-ный страж бытия..."

Слышите: "неведомая моя", "бессмертный страж бытия"? Что происходит дальше в этом стихотворении? Происходит вовсе не возврат, но обретение второго сердца.

"Как смерть Кашея, в руке сердце у дурака. А может, и вовсе то было не сердце, а смерть. Но вставил в грудь, и не холодила рука, и стало два сердца биться в грудную твердь. Живое и мёртвое, словно два родника, и шёл он сквозь лес, и пели вокруг соловьи: два сердца нынче у нашего дурака, два сердца — живой и мёрт-вой воды ручьи..."

ВОТЛИЧИЕ от Анны Ахматовой и Марины Цветаевой (да простились здесь подобные сравнения), Анна Долгарёва — не жрица и не безумная вакханка. Но уж точно, подобно им, — не ангел с белыми крыльями. Она — "всего лишь" ве-дунья, которая "на ты" с любой лексикой, даже обценной — в ранних стихах Анны "букувы с точками" встречаются не однаж-

ды. И, по собственному признанию, её долго "шатало" от ро-левых игр и шаманизма (похоже, Лемерт — не столько псев-доним, сколько некий аналог "сакрального" имени, которое служит пропуском в иные измерения) до католицизма ("Мне нравилась концепция чистилища. Она давала надежду"). Но вернулась в православие.

Эти шатания при внимательном рассмотрении, например, по-лучившего широкое признание стихотворения "Бог говорит Гага-ри-ну" (2019) заметны:

Бог говорит Гагарину: Юра, теперь ты в курсе: нет никакого разлознения с энтопастным вкусом, нет внутри человека усаения никакого, а только мороженое на площади на руках у папы, запах травы да горячий железной подковы, берёзовые серёжки, вловые лапы, только вот это мы носим в себе, Юра, видишь, я по небу рассыпал красные звёзды, швырнул на небо от Калининграда и до Амура, исключительно для радости, Юра, ты же всегда понимал, как всё это просто. Мы с тобой, Юра, потому-то здесь и болтаем о том, что спрятано у человека внутри. Никакого секрета у этого, никаких тайн, прямо как вернётся — так всем сразу и говори, что не смерть, а японнее цвет у человека в дыхании, что человек — это дух небесный, а не шакалий, так им и рассказывай, Юра, а про меня не надо. И ещё, козда будешь падать — не бойся падать.

"Яблонев цвет у человека в дыхании..." — не аллюзия ли здесь на библейский плод с древа познания Добра и Зла, который чаще всего ассоциируется с яблоком и который предполагает присут-ствие цветка ранее?

Ещё отчётливее весьма отличный от канонического образ Бога в другом, не менее известном стихотворении Анны Долгарёвой, у героя которого, по её утверждению, был реальный прототип:

В город пришла война. В город ложатся мины. В городе разорвало водопровод, и течёт вода мутным потоком длинным, и летает кровавь, с ней смешиваясь, течёт.

А Серёга — не воин и не герой. Серёга обычный парень. Серёга делает свою работу, чинит водопровод. Под обстрелом, под жарким и душным паром. И вода, смешавшись с кровью, фонтаном бьёт.

И, конечно, одна из мн становится для него последней. И Серёга встаёт, отряхиваясь от крови, и идёт, и сияние у него по следу, и от осколка дырочка у брови.

И Серёга приходит в рай — а куда ещё? Тень с земли силует у него чернит. И говорит он: "Господи, у тебя тут течёт, кровавый дождь отсюда течёт, давай попробую починить".

Этот сотворённый Богом мир видится и автору, и её ге-рою — наверное, как и большинству из нас, — весьма далёким от совершенства, а потому подлежащим человеческой "почин-ке". Словом и делом. Реализация прав на подобную "починку" получается пока не очень. Но, по большому счёту, что ещё остаётся человеку в таком мире, в такой жизни своей? Стихи Анны Долгарёвой, во всяком случае, напоминают об этом.

Владимир ВИННИКОВ